

«КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ»: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ

© 2019 г. Ф. Л. Синицын

Государственный университет по землеустройству, Москва

E-mail: permcavt@gmail.com

Поступила в редакцию: 19.04.2019 г.

Аннотация. В статье дается анализ термина «коллорабационизм», основанный и на научно-правовом, и на научно-историческом видении этой проблемы применительно к периоду Великой Отечественной войны, когда эта проблема была наиболее актуальной для СССР. Дается определение терминов «коллорабационизм» и «коллорабационист».

Ключевые слова: УК РСФСР, коллорабационизм, коллорабационист, квалификация преступления, состав преступления, мотив преступления, дуальный умысел, контрреволюционные преступления, измена родине, Великая Отечественная война.

Цитирование: Синицын Ф.Л. «Коллорабационизм»: историко-правовой анализ терминологии // Государство и право. 2019. № 12. С. 136–146.

DOI: 10.31857/S013207690007826-0

“COLLABORATIONISM”: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF TERMINOLOGY

© 2019 F. L. Sinitsyn

State University of land management, Moscow

E-mail: permcavt@gmail.com

Received: 19.04.2019

Abstract. The article analyzes the term “collaborationism”, based on both scientific and legal, and scientific and historical vision of this problem in relation to the period of the Great Patriotic war, when this problem was most relevant for the USSR. The definition of the terms “collaborationism” and “collaborator” is given.

Key words: Criminal Code of the RSFSR, collaborationism, collaborator, qualification of the crime, composition of the crime, motive of the crime, dual intent, counter-revolutionary crimes, treason, the Great Patriotic war.

For citation: Sinitsyn, F.L. (2019). “Collaborationism”: historical and legal analysis of terminology // Gosudarstvo i pravo=State and Law. 2019. No. 12, pp. 136–146.

Несмотря на то что понятие «коллорабионизм»¹ в современном мире обычно понимается как осознанное сотрудничество с врагом государства в военное время², толкование этого термина в исследованиях, изданных в Российской Федерации, остается дискуссионным (особенно в трудах по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн). Так, М.И. Семиряга использовал такое определение: «измена родине», «содействие в военное время агрессору со стороны граждан его жертвы в ущерб своей родине и народу». Применительно к условиям Второй мировой войны М.И. Семиряга полагал, что коллаборационизм следует понимать как «разновидность фашизма и практику сотрудничества национальных предателей с гитлеровскими властями в ущерб своему народу и родине»³. И.А. Гилязов, напротив, сделал вывод, что следует разделять понятия «коллорабионист» и «предатель», так как «не любой случай коллаборационизма есть проявление предательства»⁴. Б.Н. Ковалев считает, что термин «коллорабионист» нужно применять «для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом»⁵. Для разрешения противоречий в толковании термина «коллорабионизм» требуется его более детальная проработка, основанная и на научно-правовом и на научно-историческом видении этой проблемы. Кроме того, требует своего научного исследования опыт привлечения к уголовной ответственности за подобные действия, который в реалиях нашей страны был наиболее актуален для периода Великой Отечественной войны.

Подход к этой проблеме, принятый в СССР, был отражен в нескольких нормативно-правовых актах. 25 февраля 1927 г. ЦИК СССР утвердил «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)». Статья 3 Положения устанавливала уголовную ответственность за «сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному

государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады»⁶.

8 июня 1934 г. это Положение было дополнено двумя статьями, которые получили общее название «Об измене родине»: ст. 1.1. «Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: <...> переход на сторону врага... карается высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества»; ст. 1.2. «Те же преступления, совершенные военными служащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества»⁷. Вскоре, 20 июля 1934 г., эти статьи были введены под номерами 581а и 581б в Уголовный кодекс РСФСР⁸.

Предлагаемую в качестве научного результата данной статьи формулировку термина «коллорабионизм» применительно к условиям Великой Отечественной войны мы осуществим путем анализа состава преступления, описанного в указанных выше статьях УК РСФСР.

Объект преступного посягательства (общественные отношения, которые нарушены преступлением) для деяния, которое можно определить как коллаборационизм, — это суверенитет, безопасность и целостность государства. Суверенитет СССР распространялся на всю его территорию, включая регионы, временно оккупированные Третьим рейхом и его сателлитами в период Великой Отечественной войны. Мнение некоторых историков о наличии среди граждан СССР сторонников «антисталинских сил», которые «не признавали» легитимность Советского государства, не может влиять на правовую оценку коллаборационизма его граждан. СССР был субъектом международного права, поэтому его право на защиту своей безопасности и целостности действовало безоговорочно, вне зависимости от отношения к советской власти каких-либо лиц или других государств.

Объективная сторона деяния, которое мы обозначаем как коллаборационизм, во-первых, выражалась только в виде действия (именно его предполагала формулировка «переход на сторону врага»,

¹ От франц. *collaboration* — «сотрудничество» (происходит от аналогичного латинского слова).

² См.: *Hoffmann S. Collaborationism in France during World War II // The Journal of Modern History. Vol. 40. No. 3 (September 1968). P. 379; URL: <http://www.dictionnaire.com/browse/collaborationist?qsrc=2446>; URL: <http://www.enzyklo.de/Be-griff/kollaboration>; <https://www.universalis.fr/dictionnaire/collaborationisme>.*

³ *Семиряга М.И. Коллорабионизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 21, 815.*

⁴ *Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал». М., 2009. С. 15, 16.*

⁵ *Ковалев Б.Н. Коллорабионизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 9.*

⁶ См.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1927. 27 февр. С. 5.

⁷ См.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1934. 9 июня. С. 2.

⁸ Принят в 1922 г., ред. 1926 г. В Уголовных кодексах остальных союзных республик присутствовали аналогичные статьи. Далее под нормами УК РСФСР мы будем условно понимать и соответствующие нормы уголовного законодательства других союзных республик.

данная в ст. 581а УК РСФСР). Во-вторых, важен вопрос о времени и обстановке совершения деяния: коллаборационизм мог иметь место только тогда, когда у государства в наличии был «враг». К сожалению, ни сама диспозиция ст. 581а и 581б УК РСФСР, ни комментарий к этим статьям не давали конкретного определения термина «враг», использованного в ст. 581а. Однако из комментария к УК РСФСР следовало, что совершение преступления, предусмотренного этими статьями, относилось к сфере «защиты Отечества»⁹ (современный комментарий к этой норме гласит, что «переход на сторону врага» мог иметь место «в период войны или в боевой обстановке»¹⁰). Таким образом, наличие «врага» у СССР относилось к периоду, когда было официально объявлено состояние войны с другим государством (или несколькими государствами) или когда СССР находился в состоянии вооруженного конфликта без объявления войны. В случае не вооруженного, а политического, экономического или иного противостояния на международной арене (например, экономического бойкота) к гражданам СССР, оказывавшим помощь противной стороне, должны были применяться нормы ст. 583 УК РСФСР.

В-третьих, к понятию «враг» относилось только государство как субъект международного права (это вытекало в том числе из оснований для внесения в УК РСФСР норм о «контрреволюционных преступлениях»)¹¹. Известно, что для предвоенного, военного и послевоенного периода актуальной была проблема сотрудничества граждан СССР с негосударственными структурами антисоветской направленности, к которым относились белоэмигрантские организации, басмачи и другие повстанцы, Организация украинских националистов (ОУН)¹² и пр. Сотрудничество с этими структурами либо с отдельными лицами, самостоятельно действовавшими против интересов СССР, подпадало под действие других статей УК РСФСР, в частности ст. 582 и 5811. Однако нормы только этих статей должны были применяться в том случае, если такие структуры и лица не сотрудничали с враждебным по отношению к СССР государством против интересов СССР в военный период или если человек, вовлеченный в деятельность таких структур, не знал о наличии такого сотрудничества. В противном случае должна была применяться квалификация такого деяния, как

коллаборационизм (по ст. 581а и 581б УК РСФСР). Очевидно, что одним из трудных вопросов в этом аспекте являлась оценка сотрудничества в период Великой Отечественной войны граждан СССР с ОУН, которая в разных ситуациях и находилась в оппозиции к Третьему рейху, и сотрудничала с ним.

В-четвертых, участие в коллаборационизме должно было иметь направленность на причинение ущерба СССР (это прямо указано в диспозиции ст. 581а УК РСФСР). При этом сам факт причинения ущерба в результате участия в коллаборационизме не являлся обязательным¹³. Если действия не привели к результату, квалификация их должна была проводиться с учетом нормы законодательства о покушении на совершение преступления и приготовлении к нему (ст. 19 УК РСФСР).

Выявление направленности деяния на причинение ущерба государству является важнейшим аспектом при квалификации его в качестве коллаборационизма. Дело в том, что любое «полезное» для вражеской державы взаимодействие с ней советского гражданина гипотетически можно было признать ущербом для СССР: работая на заводе, фабрике, шахте, в сельском хозяйстве в период германской оккупации, советские граждане фактически трудились на Третий рейх или на его страны-сателлиты. Однако между деянием гражданина СССР, обвиняемого в коллаборационизме, и ущербом, причиненным СССР, должна была быть прямая причинная связь (наличие умысла на причинение такого ущерба).

Именно такой подход был принят во время Великой Отечественной войны. В соответствии с приказом Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом», ответственности по ст. 581а УК РСФСР подлежали советские граждане, «перешедшие на службу к оккупантам, а также выполнявшие указания германской администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличенные в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; лица, участвовавшие в деятельности оккупационных карательных органов»¹⁴. Видно, что среди таких лиц нет ни рабочих, ни шахтеров, ни крестьян, которые в период оккупации занимались своим обычным трудом (с целью обеспечить физическое выживание себе и своим семьям) и не принимали прямого участия в деятельности германских вооруженных сил и структур оккупационной администрации. Указанный в норме «сбор продовольствия, фуража и вещей» здесь рассматривался

⁹ Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР: Комментарий. М., 1941. С. 63.

¹⁰ Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 638.

¹¹ См.: Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Указ. соч. С. 62, 63.

¹² ОУН и другие подобные организации не могут быть признаны субъектами международного права (см., напр., ст. 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающуюся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). 1977 г.

¹³ См.: Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Указ. соч. С. 63.

¹⁴ Ковалев Б.Н. Указ. соч. С. 9, 10.

как соответствующая административная деятельность разного рода гражданских коллаборационистов (бургомистров, старост и др.).

Важным обстоятельством является также то, что ущерб в результате участия в коллаборационизме согласно советскому законодательству должен был быть причинен именно СССР либо «всякому другому государству трудящихся», т.е. двум другим социалистическим государствам, существовавшим в тот период, — Монголии и Туве (но только в случае, если такое преступление было совершено на территории СССР)¹⁵.

В-пятых, местом совершения преступления могла быть оккупированная вражеской державой территория СССР (в общем случае) или другая территория, находившаяся вне контроля властей СССР. Сношения с вражеским государством, совершенные на территории, контролируемой властями СССР, квалифицировались не как коллаборационизм, а по ст. 58³ УК РСФСР.

В-шестых, способом совершения преступления было оказание помощи вражескому государству. Оно могло быть осуществлено, в частности, путем взаимодействия с оккупантами — так, в период Великой Отечественной войны коллаборационисты причиняли ущерб СССР в рамках своей работы (службы) в административных органах, военных и полицейских формированиях Третьего рейха. Однако оказание помощи врагу могло состояться и в одностороннем порядке, без «контакта» с оккупантами — например, когда какой-либо антисоветски настроенный житель оккупированной территории СССР самостоятельно вел вооруженную борьбу против советских партизан. Однако в этом случае коллаборационизм имел место, только если у этого человека был умысел и на оказание помощи вражеской стране, и на причинение ущерба СССР. Иначе в коллаборационисты можно было бы записать все антисоветские силы, действовавшие на оккупированной территории СССР, а это не так.

В-седьмых, средства и орудия совершения преступления, которые можно квалифицировать как коллаборационизм, могли быть разными, что и показывает типология коллаборационизма, которая хорошо разработана в историографии¹⁶.

Субъективная сторона преступного деяния, которое можно квалифицировать как коллаборационизм, во-первых, характеризовалась наличием умысла. Следует говорить о сдвоенном (дуальном) умысле, который одновременно был направлен на оказание помощи вражеской державе, и на причинение ущерба СССР. Умысел мог быть и прямым,

и косвенным¹⁷. Прямой умысел предполагался у идейных, «политических» коллаборационистов. Косвенный умысел, т.е. сознательное допущение последствий или безразличное отношение к ним, — у лиц, которые были вовлечены в коллаборационизм по другим мотивам (хотя, конечно, нужно было исследовать каждый конкретный случай).

Наличие умысла коррелировалось с обязательностью добровольности вовлечения в коллаборационизм. Согласно указанию НКВД СССР о задачах и постановке оперативно-чекистской работы на освобожденной от немецко-фашистских оккупантов территории СССР от 18 февраля 1942 г. советские спецслужбы брали под наблюдение «лиц, служивших в созданных немцами учреждениях и предприятиях, вне зависимости от рода обязанностей», а также всех лиц, добровольно оказывавших услуги немцам, какой бы характер эти услуги ни носили», кроме тех людей, которые были оккупантами «насиленно мобилизованы»¹⁸. Таким образом, недобровольно вовлеченные в коллаборационизм люди фактически выводились из круга лиц, подозреваемых в коллаборационизме.

Во-вторых, мотивы и цели совершения человеком преступного деяния, которое могло квалифицироваться как коллаборационизм, были разнообразными. При этом добровольность вовлечения в коллаборационизм не исключала вынужденности принятия такого решения¹⁹.

Предлагаем следующую типологию мотивов и целей вовлечения граждан СССР в коллаборационизм в период Великой Отечественной войны:

1. Психологические мотивы — страх перед жестокостью оккупантов, стремление защитить свои семьи²⁰, спастись от тяжелейших условий плена²¹.

¹⁷ См.: *Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З.* Указ. соч. С. 62.

¹⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 3. Крушение «Блицкрига». Кн. 1 (1 января — 30 июня 1942 г.). М., 2003. С. 130–132.

¹⁹ См.: *Hoffmann S.* Op. cit. P. 378 et al; *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма // *Война и общество. 1941–1945: в 2 кн.* / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Кн. 2. М., 2004. С. 293.

²⁰ См.: *Калинин П.* Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии // *Военно-исторический журнал.* 1962. № 10. С. 32, 33; *Гулязов И.А.* Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2000. С. 4, 5; *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 332; *Подпрятков Н.В.* Национальные воинские формирования народов Советского Союза в СССР и в фашистской Германии в годы Второй мировой войны. Пермь, 2006. С. 228; *Другая война: 1939–1945: сб. ст. / сост. и авт. предисл. В.Г. Бушуев. М., 1996. С. 322.*

²¹ См.: *Кондратьев Н.* Оплачено кровью // *Родина.* 1991. № 6, 7. С. 8.

¹⁵ См.: *Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З.* Указ. соч. С. 63.

¹⁶ См.: *Семиряга М.И.* Указ. соч.; *Ковалев Б.В.* Указ. соч.

Такие мотивы имели своей целью физическое выживание человека. Попав в экстремальную психологическую ситуацию оккупации или плена, некоторые люди делали выбор пойти на сотрудничество с врагом, чтобы избежать смерти от голода и иных тяжелых условий оккупации. В ряде случаев решение пойти на сотрудничество с врагом СССР люди принимали в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), которое могло быть как резким, так и «накопившимся» («кумулятивный аффект»). Ситуация оккупации, плена, жизни «остарбайтеров» с точки зрения психологии была экстремальной. Для многих попавших в нее людей она выходила за пределы «нормального» человеческого опыта²².

2. Низменные мотивы — тщеславие, алчность²³, месть. В период войны и оккупации некоторые коллаборационисты стремились «улучшить» свое материальное положение за счет людей, репрессированных или уничтоженных оккупантами (в частности, выселенных в гетто и отправленных в «лагеря смерти» евреев). Другие коллаборационисты «выслуживались», делали карьеру при оккупационной администрации. Использовали они и возможность осуществлять всевластие над другими людьми, распоряжаясь их судьбами, безнаказанно применяя насилие, вымещая садистские и иные патологические и преступные наклонности. Даже сами оккупанты иногда лицемерно отмечали «чрезмерные» зверства со стороны коллаборационистов по отношению к мирному населению оккупированной территории СССР²⁴.

3. Политические мотивы — неприятие советской власти²⁵, негативная реакция на социально-политические условия в СССР, в том числе коллективизацию и репрессии²⁶. Такие мотивы были основаны на «идейности», убеждениях, политических взглядах. Целью «политических» коллаборационистов в период Великой Отечественной войны в основном было свержение в СССР власти

большевистской партии. За рубежом — особенно в среде русской эмиграции — сложилась концепция «Освободительного движения народов России», которое якобы было направлено в годы войны как против Германии, так и против СССР (так называемая «третья сила»), а также концепции «антисталинской революции» и «новой гражданской войны» в Советском Союзе²⁷. Эти концепции являются более чем спорными.

К политическим мотивам вовлечения в коллаборационизм примыкали этнополитические — национализм, шовинизм²⁸, участие в «национально-освободительном движении», направленном против СССР²⁹. Цель, обусловленная такими мотивами, состояла в завоевании независимости для отдельных регионов или в полной дезинтеграции СССР.

В годы Великой Отечественной войны и после нее власти СССР рассматривали психологические мотивы участия в коллаборационизме и обусловленную этими мотивами цель (физическое выживание) как имевшие наименьшую общественную опасность. Таким образом, было проявлено понимание, во-первых, вынужденности взаимодействия с оккупантами значительной части жителей захваченной территории СССР, отсутствия у них низменных мотивов и умысла причинить ущерб своей стране и, во-вторых, малозначительности ущерба, причиненного таким взаимодействием в большинстве случаев. Согласно указанию НКВД СССР от 18 февраля 1942 г. основанием для ареста жителей освобожденной территории СССР являлись данные «о предательской работе с их стороны при немцах» (т.е. о деятельности, причинившей ущерб СССР. — Ф.С.), но не сам факт работы «в созданных немцами учреждениях и предприятиях»³⁰.

Такой же подход (в целом) применялся и к военным коллаборационистам из числа советских граждан, среди которых подавляющее большинство составляли бывшие военнопленные. В германском плену оказались 5.74 млн военнослужащих

²² См.: Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных. М., 2007. С. 20.

²³ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 10. М., 1973. С. 226, 227; Другая война: 1939–1945: сб. ст. / сост. и авт. предисл. В.Г. Бушуев. С. 322.

²⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 65, 66.

²⁵ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 10. С. 226, 227; *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 33.

²⁶ См.: *Степаненко С.Г.* Коллаборационизм на Кубани в период оккупации (1942–1943 гг.) // Социально-гуманитарный вестник: межвуз. сб. науч. ст. / редкол.: Н.П. Курусканова (отв. ред.) и др. Краснодар, 2009. С. 47; *Наринский М.М.* Великая Отечественная война // Союзники в войне 1941–1945 гг. / Д. Рейнолдс, А. Данчев, О.А. Ржевский и др.; отв. ред. и авт. предисловий А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. М., 1995. С. 293; Другая война: 1939–1945: сб. ст. / сост. и авт. предисл. В.Г. Бушуев. С. 322.

²⁷ См.: *Андреева Е.* Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Лондон, 1990. С. 11; *Казанцев А.* Третья сила: История одной попытки. Франкфурт, 1952. С. 289, 291; *Пфеффер К.Г.* Немцы и другие народы во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны: сб. ст. / пер. с нем. Л.К. Комоловой; под ред. и с предисл. И.Н. Соболева. М., 1957. С. 513; и др.

²⁸ См.: *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье: Белоруссия 1941–1945. М., 2008. С. 4; *Chirovsky N.* An Introduction to Ukrainian History. Vol. III: Nineteenth and Twentieth Century Ukraine. N. — Y., 1986. P. 262, 263.

²⁹ См.: *Мамулия Г.Г.* Грузинский легион Вермахта. М., 2011. С. 266.

³⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 3. Крушение «Блицкрига». Кн. 1 (1 января — 30 июня 1942 г.). С. 130–132.

Красной Армии³¹, из которых 3.9 млн человек погибли³², что составляло 68% попавших в плен (для сравнения: во время Первой мировой войны погибли 2.9% военнопленных солдат и офицеров Русской Армии)³³. Значительная часть пленных погибла в первую же военную зиму (1941–1942 гг.). Невыносимые условия содержания в лагерях привели к тому, что часть выживших пленных поддавалась на «добровольно-принудительную» вербовку в коллаборационистские формирования, созданные оккупантами. Необходимо учитывать, что часть военнопленных, дав согласие на вступление в коллаборационистские формирования, намеревалась из них впоследствии дезертировать и перейти на сторону советских партизан, европейского движения Сопротивления или за линию фронта, что и происходило на практике. Власти Третьего рейха изначально относились к многим коллаборационистам из числа граждан СССР с недоверием. К военнослужащим ряда коллаборационистских формирований были применены репрессии по обвинению в «нелояльности»³⁴.

Следует сделать вывод о главенствующей роли психологических мотивов в процессе вовлечения советских военнопленных в коллаборационизм. Эта ситуация была осознана советскими властями, поэтому к основной массе рядовых военных коллаборационистов в СССР было применено достаточно мягкое наказание — в подавляющем большинстве они были отправлены в ссылку на спецпоселение в основном сроком на шесть лет³⁵.

Фактически к квалификации деяний значительной части коллаборационистов в СССР было применено положение ст. 48 УК РСФСР об обстоятельствах, смягчающих вину. 17 сентября 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», согласно которому амнистии подлежали лица, которые «по малодушию или несознательности оказались вовлеченными

в сотрудничество с оккупантами»³⁶ (что подразумевает психологические мотивы вовлечения в коллаборационизм) и при этом не совершили преступлений в отношении граждан СССР.

Другие мотивы участия в коллаборационизме закономерно были признаны в СССР наиболее общественно опасными. Действительно, низменные мотивы проявлялись в совершении коллаборационистами тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья людей, включая убийства, причинение вреда здоровью, изнасилования, грабежи, присвоение чужого имущества и пр. Коллаборационисты принимали участие в карательных операциях, уничтожении гражданского населения и целых населенных пунктов, репрессивной деятельности Гестапо и других преступных организаций Третьего рейха.

На основании положений уголовного законодательства СССР, включая подзаконные акты, изданные в период Великой Отечественной войны, в 1943–1949 гг. в СССР состоялись 20 судебных процессов в отношении нацистских военных преступников и коллаборационистов. Так, важным событием был Краснодарский судебный процесс над коллаборационистами (август 1943 г.), которые обвинялись в том числе в предательстве известной подпольной организации «Молодая гвардия». Трое осужденных были казнены публично в присутствии около 5 тыс. жителей Краснодона. Харьковский процесс (декабрь 1943 г.) — первый в мире суд над нацистскими военными преступниками, среди которых — трое германских военнослужащих и один коллаборационист. Они приговорены к смертной казни, которая была приведена в исполнение в присутствии 50 тыс. жителей Харькова. Именно этот процесс создал юридический прецедент, закрепленный позже Международным военным трибуналом в Нюрнберге: «Приказ не освобождает от ответственности за геноцид»³⁷. Следует подчеркнуть, что амнистия 1955 г. не применялась «к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан»³⁸.

К коллаборационистам, совершившим на оккупированных территориях СССР военные преступления, фактически применялись не только «законы военного времени», но и положение об обстоятельствах, отягчающих вину: «совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений... с особой жестокостью, насилием или хитростью, или в отношении лиц, подчиненных преступнику...», либо в особо беспомощном по

³¹ См.: *Первышин В.Г.* Людские потери в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 116.

³² См.: *Соколов А.К.* Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: сб. ст. (Материалы конф., 14–15 марта 1995 г.). СПб., 1995. С. 22.

³³ См.: *Reitlinger G.* The House Built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. N.-Y., 1960. P. 98.

³⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 135. Л. 28; Оп. 125. Д. 165. Л. 12, 13, 32–34, 71–75; Д. 168. Л. 23; ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 104. Л. 611, 612; и др.

³⁵ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 217. Л. 92; *Бердинских В.А.* Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. Киров, 2003. С. 63.

³⁶ См.: Ведомости ВС СССР. 1955. № 17. С. 467.

³⁷ *Сагалов З.В.* Прелюдия к Нюрнбергу. Повесть, основанная на документах. Харьков, 1990. С. 83.

³⁸ См.: Ведомости ВС СССР. 1955. № 17. С. 467.

возрасту или иным условиям состояния» (ст. 47 УК РСФСР).

Одним из наиболее спорных моментов для историков является оценка причин и последствий политических мотивов участия в коллаборационизме. Однако с точки зрения законодательства здесь все однозначно — эти мотивы имели своей целью насильственное изменение в СССР конституционного строя (соответственно, реализация этнополитических мотивов выливалась в покушение на территориальную целостность Советского Союза), а такой вид преступных деяний обычно признается особо опасным для государства.

Известны два резонансных судебных процесса над «политическими» коллаборационистами. Первый был проведен 30–31 июля 1946 г. по обвинению, пожалуй, самого известного коллаборациониста из числа граждан СССР — бывшего генерал-лейтенанта Красной Армии А.А. Власова, а также 11 его соратников. Обвинение им было предъявлено по ст. 58¹⁶, 58⁸, 58⁹, 58¹⁰, ч. 2, 58¹¹ УК РСФСР и по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Всем подсудимым был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение 1 августа 1946 г. Решением Верховного Суда РФ от 1 ноября 2001 г. с осужденных было посмертно снято обвинение в «контрреволюционной пропаганде» (ст. 58¹⁰, ч. 2), однако по остальным пунктам обвинения они реабилитированы не были, в том числе по «коллаборационистской» ст. 58¹⁶ УК РСФСР³⁹.

15–16 января 1947 г. состоялся судебный процесс в отношении П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, Султан-Гирея Клыч, С.Н. Краснова, Т.Н. Доманова и Г. фон Паннвица. Обвинения им были предъявлены по ст. 58^{1а}, 58⁶, ч. 1, 58⁸, 58¹¹ УК РСФСР и по упомянутому выше Указу Президиума Верховного Совета СССР. Среди подсудимых единственным гражданином СССР был Т.Н. Доманов, поэтому только он получил обвинение по «коллаборационистской» ст. 58^{1а} (наряду со ст. 58¹¹ и Указом). Г. фон Паннвиц — урожденный гражданин Германии, не имевший отношения к Российской Империи, ни к СССР, был осужден исключительно за военные преступления (т.е. только по Указу). Обвинения в отношении четырех остальных подсудимых — деятелей Белого движения, эмигрантов из России и не граждан СССР — были основаны на нормах Указа и разных сочетаний ст. 58⁶, ч. 1, 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР. Всем подсудимым был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение

16 января 1947 г. Из всех осужденных в 1996 г. реабилитирован только Г. фон Паннвиц, однако в 2001 г. это решение было отменено.

Наконец, субъект преступного деяния — это, по определению, человек (физическое лицо). Для деяния, которое квалифицируется как коллаборационизм, советское законодательство определило специальный субъект — лицо, обладающее гражданством СССР⁴⁰. Это — один из самых важных моментов в определении термина «коллаборационист», поскольку иногда в публицистике к «отечественным» коллаборационистам причисляют людей, не имевших гражданства СССР.

Поэтому при квалификации деяния как коллаборационизма необходимо осуществить идентификацию гражданства (подданства) человека. В Советском Союзе наличие гражданства подтверждалось материалами учета в соответствующих государственных органах (паспортные столы и пр.) и документом, который находился на руках у человека (паспорт гражданина СССР). В этом вопросе могли возникнуть две основные трудности. Во-первых, это — утрата учетных материалов паспортных столов в условиях войны (значительные объемы документации не были вывезены с угрожаемых территорий или были уничтожены, особенно летом и осенью 1941 г. и летом 1942 г.). Во-вторых, отсутствие паспортов у сельского населения — по Постановлению СНК СССР от 28 апреля 1933 г. жители сельской местности (таковые составляли около 67% населения Советского Союза) были лишены права иметь паспорта (кроме жителей «населенных пунктов, являющихся районными центрами, а также на всех новостройках, на промышленных предприятиях, на транспорте, в совхозах, в населенных пунктах, где расположены МТС, и в населенных пунктах в пределах 100-километровой западноевропейской пограничной полосы Союза ССР»)⁴¹.

Могла возникнуть трудность также в выяснении наличия гражданства СССР у эмигрантов русского происхождения, которые были вовлечены в сотрудничество с Третьим рейхом и его сателлитами. С одной стороны, советское законодательство предусматривало некоторую «принудительность» присвоения гражданства СССР. Статья 3 Положения о союзном гражданстве (утверждено постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г.) гласила, что «каждое лицо, находящееся на территории Союза ССР, признается гражданином Союза ССР, поскольку не будет им доказано, что оно является иностранным гражданином». Таким образом, на самого человека возлагалась обязанность

³⁹ См.: Генерал Власов: история предательства: в 2 т., в 3 кн. / отв. ред. А.Н. Артизов; сост.: Т.В. Царевская-Дякина (отв. сост.) и др. Т. 2. Кн. 2. Из следственного дела А.А. Власова / отв. ред.: А.Н. Артизов, В.С. Христофоров. М., 2015. С. 544–557.

⁴⁰ См.: Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Указ. соч. С. 63.

⁴¹ Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1933. 29 апр. С. 4.

доказывания отсутствия у него советского гражданства. Однако согласно ст. 12 того же Положения признавались утратившими гражданство СССР лица, «которые, выехав за пределы территории СССР..., не возвратились или не возвратятся по требованию соответствующих органов власти», лица, вышедшие из гражданства в установленном законом порядке, лишённые гражданства по законодательству или по приговору суда, или принявшие иностранное гражданство на основании договоров с иностранными государствами⁴².

Кроме того, согласно Декрету ВЦИК от 26 апреля 1918 г. предусматривалось лишение советского гражданства лиц, самовольно покинувших ряды Красной Армии до истечения шестимесячного срока после их добровольного вступления в нее. 28 октября 1921 г. был принят Декрет СНК РСФСР «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей». В соответствии с ним советского гражданства были лишены в том числе лица, пробывшие непрерывно за границей свыше пяти лет и не получившие от советских представительств заграничных паспортов или соответствующих удостоверений; выехавшие после 7 ноября 1917 г. за границу самовольно, без разрешения советской власти; добровольно служившие в армиях, сражавшихся против советской власти, или участвовавшие в какой бы то ни было форме в контрреволюционных организациях. Консульский устав Союза ССР, утвержденный Постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 января 1926 г., предоставлял советским консулам право возбуждать вопрос о лишении советского гражданства лиц, отказавшихся по требованию консула вернуться на Родину. И наконец, в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 мая 1933 г. советского гражданства были лишены все бывшие российские подданные, выехавшие за границу до 25 октября 1917 г. и принявшие иностранное гражданство или подавшие заявление о принятии их в иностранное гражданство⁴³. Статья 2 Закона СССР о гражданстве от 19 августа 1938 г. гласила, что «гражданами СССР являются все состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской Империи и не утратившие советского гражданства»⁴⁴. Таким образом, можно считать, что эмигрантов, особенно «белых», большинство которых никогда не бывало в СССР и являлось идейными противниками этого государства, советское законодательство рассматривало как «утративших»

советское гражданство либо вовсе никогда его не имевших.

Подытоживая вопрос о гражданстве, отметим, что не могут быть признаны коллаборационистами лица без гражданства (апатриды), а также люди, имевшие в СССР вид на жительство, статус беженца или перемещенного лица и пр. Неправомерным являлось бы признание коллаборационистом человека только по факту принадлежности к одному из коренных народов Советского Союза или лица, имевшего отношение к Российскому государству в прошлом (к ним как раз и относились белоэмигранты).

Еще один специальный субъект был предусмотрен диспозицией ст. 58¹⁶ УК РСФСР — гражданин СССР, состоящий на военной службе. Закон СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей военной обязанности» не только устанавливал обязанность для всех мужчин — граждан СССР «отбывать военную службу в составе Вооруженных Сил» (статьи 1 и 3)», но и напоминал о суровой каре за «переход на сторону врага». Важно определить момент, с которого человек считается военнотружущим: в мирное время таковым считался момент зачисления на военную службу по призыву (ст. 6 Закона), в военное — по мобилизации (ст. 72)⁴⁵. Факт принятия военной присяги для доказывания участия в коллаборационизме значения не имел.

Кроме гражданства СССР субъект преступного деяния должен был обладать еще двумя характеристиками. Во-первых, его возраст должен был быть не меньше 14 лет (согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних»⁴⁶). Однако здесь есть нюансы: Постановление СНК и ЦИК СССР от 7 апреля 1935 г. вводило уголовную ответственность для несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, за совершение краж и преступлений против личности, в том числе «телесных повреждений, увечий, убийств или попыток к убийству»⁴⁷, а Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. — за «совершение действий (развинчивание рельсов, подкалывание на рельсы разных предметов и т.п.), могущих вызвать крушение поездов»⁴⁸. Очевидно, что в период войны такие деяния могли быть напрямую связаны с коллаборационизмом (так, известно, что Абвер реализовывал программу по

⁴² См.: СЗ СССР. 1924. № 22, с. 364–366.

⁴³ См.: *Понизова Е.В.* Лишение гражданства в советский период // Труды ИГП РАН. 2013. № 6. С. 123–125.

⁴⁴ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.). М., 1956. С. 64.

⁴⁵ См.: Закон о всеобщей воинской обязанности. Канцелярия Министерства Вооруженных Сил Союза ССР. М., 1946.

⁴⁶ См.: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.). С. 395.

⁴⁷ СЗ СССР. 1935. № 19, ст. 262.

⁴⁸ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.). С. 394, 395.

подготовке диверсантов из числа детей — граждан СССР⁴⁹). В случае выявления участия в такой деятельности детей в возрасте до 12 лет они уголовной ответственности не подлежали, в возрасте от 12 до 14 лет — несли ответственность за кражи, насильственные преступления и диверсии на железной дороге и с 14 лет — еще и за коллаборационизм.

Во-вторых, субъект должен был быть вменяемым (ст. 11 УК РСФСР).

Последний важный вопрос, которого мы уже коснулись в рамках данной статьи и который необходимо подчеркнуть еще раз: лица, которые не могли быть признаны коллаборационистами, тем не менее, могли подлежать ответственности за совершение других деяний (в первую очередь военных преступлений) и за принадлежность к организациям, признанным преступными согласно решениям отечественных и международных судебных инстанций, например Нюрнбергского процесса, на котором была признана преступлением принадлежность к СС, СД, Гестапо и руководящему составу НСДАП.

* * *

Таким образом, по результатам проведенного исследования следует сделать такие выводы.

Расхождения в толковании термина «коллаборационизм», которые фигурируют в публикациях, изданных в Российской Федерации, вызваны недостаточным раскрытием этого термина с научно-правовой точки зрения и с использованием анализа соответствующего исторического опыта (в первую очередь периода Великой Отечественной войны). Проведенное в рамках статьи исследование показало, насколько комплексной является юридическая оценка коллаборационизма, особенно в части определения субъекта, объективной и субъективной сторон этого деяния.

Предлагается следующее общее определение термина «коллаборационизм»: деятельность гражданина (подданного), направленная на умышленное причинение ущерба своему государству путем оказания помощи другому государству, которое находится с первым в состоянии войны или вооруженного конфликта.

Коллаборационист в годы Великой Отечественной войны с точки зрения действовавшего в те годы отечественного законодательства — это человек, в отношении которого приговором суда доказан факт совершения преступного деяния, предусмотренного ст. 58^{1а} или 58^{1б} УК РСФСР и имеющего следующий состав: 1) объект — суверенитет,

безопасность, целостность СССР; 2) объективная сторона — действие, направленное на причинение ущерба Советскому Союзу⁵⁰ в виде оказания помощи государству, которое находится с Советским Союзом в состоянии войны или вооруженного конфликта, совершенное на территории, неподконтрольной властям СССР; 3) субъективная сторона — умысел; 4) субъект — гражданин СССР, вменяемый, в возрасте старше 14 лет, для квалификации деяния по ст. 51^{1б} УК РСФСР — состоящий на военной службе.

Термин «коллаборационизм» применим к использованию в современных условиях, в то время как термины «предательство», «измена Родине» представляются не вполне охватывающими деяние, имеющие признаки коллаборационизма, — прежде всего потому, что эти термины применяются и к деяниям, совершенным в условиях мирного времени. Термин «сотрудничество с врагом», в свою очередь, не отражает морально-политической глубины такого сложного явления, как умышленное, причиняющее ущерб взаимодействию с врагом своего государства в военное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева Е.* Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Лондон, 1990. С. 11.
2. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 332.
3. Генерал Власов: история предательства: в 2 т., в 3 кн. / отв. ред. А.Н. Артизов; сост.: Т.В. Царевская-Дякина (отв. сост.) и др. Т. 2. Кн. 2. Из следственного дела А.А. Власова / отв. ред.: А.Н. Артизов, В.С. Христофоров. М., 2015. С. 544—557.
4. *Гилязов И.А.* Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2000. С. 4, 5.
5. *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал». М., 2009. С. 15, 16.
6. *Губернаторов Н.В.* «Смерш» против «Буссарда» (Репортаж из архива тайной войны). Жуковский — М., 2005.
7. Другая война: 1939—1945: сб. ст. / сост. и авт. предисл. В.Г. Бушуев. М., 1996. С. 322.
8. Закон о всеобщей воинской обязанности. Канцелярия Министерства Вооруженных Сил Союза ССР. М., 1946.

⁴⁹ См.: *Губернаторов Н.В.* «Смерш» против «Буссарда» (Репортаж из архива тайной войны). Жуковский — М., 2005.

⁵⁰ А также Монголии или Туве — при условии совершения преступного деяния на территории СССР.

9. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 10. М., 1973. С. 226, 227.
10. *Казанцев А.* Третья сила: История одной попытки. Франкфурт, 1952. С. 289, 291.
11. *Калинин П.* Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1962. № 10. С. 32, 33.
12. *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 9, 10.
13. *Кондратьев Н.* Оплачено кровью // Родина. 1991. № 6, 7. С. 8.
14. *Мамулия Г.Г.* Грузинский легион Вермахта. М., 2011. С. 266.
15. *Наринский М.М.* Великая Отечественная война // Союзники в войне 1941–1945 гг. / Д. Рейнолдс, А. Данчев, О.А. Ржешевский и др.; отв. ред. и авт. предисловий А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. М., 1995. С. 293.
16. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 638.
17. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 3. Крушение «Блицкрига». Кн. 1 (1 января – 30 июня 1942 г.). М., 2003. С. 130–132.
18. *Первышин В.Г.* Людские потери в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 116.
19. *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма // Война и общество. 1941–1945: в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Кн. 2. М., 2004. С. 293.
20. *Подпрятков Н.В.* Национальные воинские формирования народов Советского Союза в СССР и в фашистской Германии в годы Второй мировой войны. Пермь, 2006. С. 228.
21. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных. М., 2007. С. 20.
22. *Понизова Е.В.* Лишение гражданства в советский период // Труды ИГП РАН. 2013. № 6. С. 123–125.
23. *Пфеффер К.Г.* Немцы и другие народы во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны: сб. ст. / пер. с нем. Л.К. Комоловой; под ред. и с предисл. И.Н. Соболева. М., 1957. С. 513.
24. *Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье: Белоруссия 1941–1945. М., 2008. С. 4.
25. *Сагалов З.В.* Прелюдия к Нюрнбергу. Повесть, основанная на документах. Харьков, 1990. С. 83.
26. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). М., 1956. С. 64, 394, 395.
27. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 21, 815.
28. *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 33.
29. *Соколов А.К.* Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: сб. ст. (Материалы конф., 14–15 марта 1995 г.). СПб., 1995. С. 22.
30. *Степаненко С.Г.* Коллаборационизм на Кубани в период оккупации (1942–1943 гг.) // Социально-гуманитарный вестник: межвуз. сб. науч. ст. / редкол.: Н.П. Курусканова (отв. ред.) и др. Краснодар, 2009. С. 47.
31. *Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З.* Уголовный кодекс РСФСР: Комментарий. М., 1941. С. 62, 63.
32. *Chirovsky N.* An Introduction to Ukrainian History. Vol. III: Nineteenth and Twentieth Century Ukraine. N.–Y., 1986. P. 262, 263.
33. *Hoffmann S.* Collaborationism in France during World War II // The Journal of Modern History. Vol. 40. No. 3 (September 1968). P. 378, 379.
34. *Reitlinger G.* The House Built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. N.–Y., 1960. P. 98.

REFERENCES

1. *Andreeva E.* General Vlasov and the Russian Liberation Movement. London, 1990. P. 11 (in. Russ.).
2. *Bezugolny A. Yu., Bugay N.F., Krinko E.F.* Highlanders of the North Caucasus in the great Patriotic war of 1941–1945. Problems of history, historiography and source studies. M., 2012. P. 332 (in. Russ.).
3. General Vlasov: history betrayal: in 2 vols, in 3 books. / red. ed. by A.N. Artizov; comp.: T.V. Tsarevskaya-Dyakina (resp. comp.), etc. Vol. 2. Book 2. From the investigative case of A.A. Vlasov / rev. ed.: A.N. Artizov, V.S. Khristoforov. M., 2015. P. 544–557 (in. Russ.).
4. *Gilyazov I.A.* Collaborationist movement among Turkic-Muslim prisoners of war and emigrants during the Second world war: dis. ... Doctor of historical sciences. Kazan, 2000. P. 4, 5 (in. Russ.).
5. *Gilyazov I.A.* Legion “Idel-Ural”. M., 2009. P. 15, 16 (in. Russ.).
6. *Governors N.V.* “SMERSH” against “Bussard” (Report from the archive of the secret war). Zhukovsky – M., 2005 (in. Russ.).
7. The other war: 1939–1945: collected papers / comp. and author of the Preface V.G. Bushuev. M., 1996. P. 322 (in. Russ.).
8. The law on universal military duty. Office of the Ministry of Armed Forces of the USSR. M., 1946 (in. Russ.).

9. The history of the USSR from ancient times to the present day. Vol. 10. M., 1973. P. 226, 227 (in. Russ.).
10. *Kazantsev A.* Third force: the story of one attempt. Frankfurt, 1952. P. 289, 291 (in. Russ.).
11. *Kalinin P.* Participation of Soviet soldiers in the partisan movement of Belarus // Military-historical journal. 1962. No. 10. P. 32, 33 (in. Russ.).
12. *Kovalev B.N.* Collaborationism in Russia in 1941–1945: types and forms. Veliky Novgorod, 2009. P. 9, 10 (in. Russ.).
13. *Kondratiev N.* Paid for with the blood // Homeland. 1991. No. 6, 7. P. 8 (in. Russ.).
14. *Mamulia G.G.* Georgian Legion of the Wehrmacht. M., 2011. P. 266 (in. Russ.).
15. *Narinsky M.M.* The Great Patriotic war // Allies in the war of 1941–1945 / D. Reynolds, A. Danchev, O.A. Rzheshevsky, etc.; rev. ed. and authors of the Preface A.O. Chubaryan, W.F. Kimball, D. Reynolds. M., 1995. P. 293 (in. Russ.).
16. Scientific and practical guide on the application of the Criminal Code of the Russian Federation / under the ed. of V.M. Lebedev. M., 2005. P. 638 (in. Russ.).
17. The bodies of state security of the USSR in the Great Patriotic war: collection of Doc. Vol. 3. The Crash of the Blitzkrieg. Book 1 (January 1 – June 30, 1942). M., 2003. P. 130–132 (in. Russ.).
18. *Pervyshin V.G.* Human losses in the Great Patriotic war // Questions of history. 2000. No. 7. P. 116 (in. Russ.).
19. *Perezhogin V.A.* Questions of collaboration // War and society. 1941–1945: in 2 books / red. ed. G.N. Sevostyanov. Book 2. M., 2004. P. 293 (in. Russ.).
20. *Podpryatov N.V.* National military formations of the peoples of the Soviet Union in the USSR and in Nazi Germany during the Second world war. Perm, 2006. P. 228 (in. Russ.).
21. Psychology of extreme situations for rescuers and fire-fighters. M., 2007. P. 20 (in. Russ.).
22. *Ponizova E.V.* Deprivation of nationality in the Soviet period // Proceedings of ISL RAS. 2013. No. 6. P. 123–125 (in. Russ.).
23. *Pfeffer K.G.* Germans and other peoples in the Second world war // Results of the Second world war: collected papers / transl. from German L.K. Komolova; ed. by and with a Preface I.N. Soboleva. M., 1957. P. 513 (in. Russ.).
24. *Romanko O.V.* Brown shadows in Poles'e: Belarus 1941–1945. M., 2008. P. 4 (in. Russ.).
25. *Sagalov Z.V.* Prelude to Nuremberg. A story based on documents. Kharkov, 1990. P. 83 (in. Russ.).
26. Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (1938 – July 1956). M., 1956. P. 64, 394, 395 (in. Russ.).
27. *Semiryaga M.I.* Collaborationism: nature, typology and manifestations during the Second world war. M., 2000. P. 21, 815 (in. Russ.).
28. *Semiryaga M.I.* Fates of Soviet prisoners of war // Questions of history. 1995. No. 4. P. 33 (in. Russ.).
29. *Sokolov A.K.* Methodological bases of calculation of losses of the population of the USSR during the Great Patriotic war // Human losses of the USSR during the Second world war: collection of articles (Materials Conf., March 14–15, 1995). SPb., 1995. P. 22 (in. Russ.).
30. *Stepanenko S.G.* Collaborationism in the Kuban during the occupation (1942–1943) // Social and humanitarian Bulletin: Intercollegiate collection of articles / editorial board: N.P. Kuruskanova (rel. ed.) and others. Krasnodar, 2009. P. 47 (in. Russ.).
31. *Traynin A., Menshagin V., Vyshinskaya Z.* Criminal Code of the RSFSR: Commentary. M., 1941. P. 62, 63 (in. Russ.).
32. *Chirovsky N.* An Introduction to Ukrainian History. Vol. III: Nineteenth and Twentieth Century Ukraine. N.–Y., 1986. P. 262, 263.
33. *Hoffmann S.* Collaborationism in France during World War II // The Journal of Modern History. Vol. 40. No. 3 (September 1968). P. 378, 379.
34. *Reitlinger G.* The House Built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. N.–Y., 1960. P. 98.

Сведения об авторе

СИНИЦЫН Федор Леонидович –
доктор исторических наук, доцент ФГБОУ
ВО «Государственный университет по
землеустройству»; 109147 г. Москва,
ул. Казакова, д. 15

Authors' information

SINITSYN Fyodor L. –
Doctor of historical Sciences, associate Professor of
State University of land management; 15 Kazakova
street, 109147 Moscow, Russia